

Р. Я. Рассудова

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА *кош* В НЕКОТОРЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РАЙОНАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Для Средней Азии зачастую характерна неустоявшаяся терминология для выражения мер и весов. Эти меры могли иметь разное значение в зависимости от времени и особенно от места, где они применялись. Более того, одним и тем же названием выражались совершенно различные понятия.

Указанное обстоятельство иногда вызывает сомнение в правильности употребления этих терминов и в ряде случаев приводит даже к неверному их социальному осмыслению.

На основании имеющихся литературных и полевых материалов мы попытаемся показать конкретные значения широко известного в Средней Азии термина *кош* или, иначе, *джуфти гау* (пара волов).

Первоначально слово кош (в джагатайском — *куш*, в казахском — *кус*, в монгольском *хош*) означало пара¹. Одно из наиболее распространенных производных дополнительных значений этого слова, бытовавших среди населения в XIX в., — «парная упряжка волов запряженных в омач», а также «рабочий с мотыгой», иногда только «упряжка». Кроме того, словом *кош* обозначали определенную площадь земли, которую могла вспахать упряжка волов. В этом случае кош служил мерой измерения земли.

Понятие *кош* в значении меры земли большей частью формулируется следующим образом: «земельный участок, обрабатываемый упряжкой волов за сезон» (малый кош).

При этом имелись в виду в основном поливные земли. Объяснялось это тем, что именно они имели первостепенное значение в хозяйстве и уже издавна служили предметом купли-продажи, что и было зафиксировано в источниках, используемых исследователями.

В литературе встречаются различные значения величины одного коша: два танапа²; 20—24 танапа³; 40—60 танапов⁴. Кош, равный

¹ Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 82; В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. 2, вып. 8, СПб., 1896, стр. 635—636.

² К. К. Пален, Орошение Туркестана, СПб., 1910, стр. 46. *Танап* — единица измерения земли, площадь которой составляла в Ферганской долине 400 кв. саженей, или $\frac{1}{6}$ га; в Зеравшанской долине — 625 кв. саженей, или $\frac{1}{4}$ га; в низовьях Амударьи — 900 кв. саженей, или $\frac{1}{3}$ га.

³ В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) гг., «Изв. Азиатского отд. РГО», т. XVIII, Ташкент, 1928, стр. 17—18; «История таджикского народа», кн. 2, М., 1964, стр. 387.

⁴ Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, «Зап. РГО по отд. стат.», т. IV, СПб., 1874, стр. 261—389; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954; стр. 56—57; М. Хамраев, Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX в., «Труды АН ТаджССР», т. XIV, 1959, стр. 17; А. А. Семенов, Очерки поземельного устройства быв. Бухарского ханства, «Труды Среднеазиатского гос. университета» (далее — «Труды САГУ»), сер. 2, вып. 1, Ташкент, 1929, стр. 53; Е. А. Давидович, Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, М., 1970, стр. 122, 123.

двум танапам,— это норма пахоты волов за один день. Среди населения был в ходу также термин *кунлук йер*, т. е. «земля, вспаханная за один день». В некоторых местах существовал равнозначный термин *таб*, который, однако, в ряде районов крестьяне употребляли, обозначая небольшую участок, вспаханный волами до первого отдыха. Таким образом, таб земли не представлял какой-либо определенной величины и уж во всяком случае не превышал одного танапа.

В литературе встречаются еще две величины, составляющие один кош: 40—60 танапов и 20—24 танапа. Независимо от района или от категории земель историки упоминают чаще всего кош в 48—50 танапов. Одним из первых эту меру приводит Л. Н. Соболев, который посетил Зеравшанскую долину вскоре после присоединения ее к России и написал о ней очень содержательную работу⁵. О коше он говорит в связи со сбором налога *кафсан*, который шел на содержание местных властей, в особенности аппарата по ирригационному управлению. Из работы Л. Н. Соболева ясно видно, что налог мог взиматься только с поссов. 40—50 танапов — большая земельная площадь и при господствующем характере мелкого землевладения в Зеравшане, конечно, могла принадлежать только целой группе хозяев; у крестьян же повсеместно сохранялись мелкие наделы. Однако такое предположение отвергается Л. Н. Соболевым, который категорически утверждает, что эту площадь могла обработать пара волов. А. А. Семенов также упоминает о зеравшанском коше в связи со сбором налога с постоянной засеянной площади и тоже утверждает, что пара волов обрабатывала за сезон 48—50 танапов. П. П. Иванов, комментируя отрывок из описания жития Ходжа Ахрара и основывая на ряде исследований А. А. Семенова, устанавливает размер коша в 48—50 танапов. В отрывке говорится о совместной обработке под Ташкентом коша земли двумя работниками: молодым, тогда еще бедным Ходжа Ахраром и его компаньоном. Однако экономические исследования, подтверждающие наши этнографические материалы, отвергают возможность обработки столь большой площади силами всего лишь двух человек. Тем более, что П. П. Иванов говорит о коше не только в 48—50, но и в 60 танапов. Однако он не объясняет, какие виды земель измеряются этими единицами. Исчисляя площадь земли крупных землевладений, расположенных отдельными участками в районах с разными природно-хозяйственными условиями, он пользуется одним и тем же кошем⁶.

Другие авторы тоже приравнивают кош к 48—50 танапам или же несколько уменьшают его. М. А. Абдураимов считает, что кош, будучи собственностью одного человека, издавна равнялся 48—50 танапам⁷, О. Д. Чехович, связывая размер этой площади с видами культур, уменьшает кош до 40 танапов, хотя и не указывает, что возделывали на таком участке земли⁸.

При переводе коша в другие местные меры, например в танапы, и наоборот авторы не всегда учитывают величину самого танапа. В результате этого также появляются различные размеры коша.

По П. П. Иванову, кош в 48—50 танапов равняется 8—9 *га*. Таким образом, для определения площади землевладения в Зеравшанской долине он берет Ферганский танап, равный $\frac{1}{6}$ *га*⁹. О. Д. Чехович, уменьшив кош до 40 танапов, при переводе в метрические меры увеличивает

⁵ Л. Н. Соболев, Указ. раб., стр. 201, 203, 389.

⁶ П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 10—12, 52, 56—57.

⁷ М. А. Абдураимов, Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX вв., т. 1, Ташкент, 1966, стр. 294.

⁸ О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв., Ташкент, 1954, стр. 245, прим. 195.

⁹ П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 52, 56. Он использовал неправильные сведения из работы: М. И. Бродовский, Заметки о земледелии в Самаркандском районе, «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872, стр. 240.

его до 10—12 *га*, так как в своих измерениях правильно исходит из самаркандского танапа, равного $\frac{1}{4}$ *га*. Совершенно неверными являются расчеты ферганского коша, когда для них используют несоответствующее этому району определение зеравшанского коша в танапах, а сам танап исчисляется исходя из каршинских мер¹⁰.

Немало сведений имеется и о коше, равном 20—24 танапам. Их приводят Н. М. Вирский¹¹ и И. В. Чертов¹², исследовавшие в конце 90-х годов XIX в. экономические и бытовые условия населения Зеравшанской долины в районах, где сложилось хозяйство зерно-рисо-хлопкового направления. По их мнению, пара рабочих волов (кош) в условиях этой долины обрабатывали за год не свыше четырех-пяти десятин земли¹³. Подобные сведения о соседней Каршинской долине содержатся в комментариях В. Л. Вяткина, связанных с его трактовкой приказов бухарского эмира Хайдара. Такие же данные зафиксированы в Шахрисябском оазисе, расположенном в верховьях р. Кашкадарьи.

Определение коша, данное этими авторами, аналогично предыдущему: «площадь, которую можно вспахать за сезон на паре волов». Кош в 24 танапа они также связывают со взиманием с этой площади налога или освобождением от него. Однако здесь следует обратить внимание на следующее важное обстоятельство. Считая кош мерой земли, указанные авторы кошем в Зеравшанской и Кашкадарьинской долинах называют не землю вообще, а лишь засеянную, налог с которой исчислялся с полученного урожая, а не с пашни.

Таким образом, размер коша по работам различных авторов колеблется от 20 до 60 танапов.

Однако и определение самого понятия *кош*, и его размер не исчерпываются приведенными данными. Известно, что в Средней Азии крестьяне вели свое хозяйство на поливных и неполивных землях. Это обстоятельство весьма существенно обуславливало различия как в направлении земледелия, так и в экономике того или иного района. С точки зрения интересующего нас вопроса различие видов земель, в значительной мере влиявшее на агротехнику сельскохозяйственных культур, требовало в свою очередь различной последовательности работ и продолжительности их выполнения. Из существующего же определения понятия *коша* совершенно невозможно установить ни характера земли, ни сезон, ни время работы волов, затраченное на пахоту определенной площади. В одних районах, например в Ферганской долине и Ташкентской области, время работы рабочих быков определялось одним днем, в других — Зеравшанской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской долинах — целым сезоном. В соответствии со всей системой земледелия, особенно полеводства, крестьяне пахали землю, а следовательно, и использовали волов в течение девяти месяцев, т. е. всего хозяйственного года, который делился на три сезона. Зимой в хозяйстве волов не использовали; иногда их даже продавали. Весной пахали под посевы яровых, а также масличных, бобовых культур. Летом пахали под пары (черные и особенно белые), распахивали земли под плодовые сады, но не под виноградники. Осенью снова начинали готовить почву под посевы озимых. При этом

¹⁰ А. Л. Троицкая, Заповедник «курук» Кокандского хана Худояра, «Сборник Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. III, Л., 1953, стр. 128. Отмеченная нами неточность в работах А. Л. Троицкой и П. П. Иванова объясняется их ссылкой на ошибочные данные М. И. Бродовского.

¹¹ Н. М. Вирский, Дюрткульская волость. Опыт исследования экономических и бытовых условий населения Дюрткульской вол. Самаркандской области, «Справочная книжка Самаркандской области» (далее — СКСО), вып. III, Самарканд, 1895, стр. 78.

¹² И. В. Чертов, Дагбитская волость. Данные экономических исследований волости за 1892 и 1893 гг., СКСО, вып. IV, 1896, стр. 28.

¹³ Некоторые авторы считают, что и в XV в. в районах Бухары, в низовьях Зеравшана один кош равнялся примерно 5 *га*, т. е. 20 танапам («Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР»), ч. I, вып. 3, Л., 1932, стр. 10, прим. 5.

время и продолжительность пахоты во все сезоны были различны в зависимости от агротехнических условий, чередования культур, площади земли. Кроме того, использование волов на поливных землях — *оби* или *сувли* — было иным, чем на неполивных — *ляльми* или *кайраки*. На этих землях на одну и ту же площадь высевалось также различное количество семян. Поэтому размер коша не совпадал по всем районам.

Из всех авторов, которые упоминают кош в своих работах, только один А. Д. Гребенкин еще в 1873 г. указывал, что эта мера, равная 48—50 танапам, характерна для неполивных земель Зеравшанской долины. Тем не менее более поздние исследователи не учитывали этого замечания и пользовались кошем, равным 48—50 танапам, для определения размеров поливных земель или же совсем не оговаривали характера земель. А. Д. Гребенкин в своем сообщении о величине коша на неполивных землях не говорит о пахотном сезоне. Несомненно, это объясняется тем, что в этих районах возделывали лишь яровые злаки и пахали только весной. Вспахать же участок неполивной земли в 48—50 танапов за весенний посевной сезон было вполне возможно, так как почвы были рыхлыми и землю перепахивали всего один раз (после посева), да и то не особенно глубоко. В дождливые же годы, когда крестьяне спешили посеять побольше, ее даже не пахали плугом, а лишь взрыхляли тяжелыми ветвями деревьев¹⁴.

Согласно устному сообщению Е. М. Пещеревой, такой примитивный способ пахоты (поверхностное и потому довольно быстрое взрыхление увлажненной мягкой земли) наблюдался еще в 1928 г. в западной части Зеравшанской долины, на территории от Каттакургана до Бухары. Это подтверждается и нашими сведениями, собранными во время поездок по восточной части этой же долины, а также по северной, восточной и южной окраинам долины Ферганы и в Ташкентском оазисе.

Полевые материалы, которые мы собирали в 1957—1966 гг. в Кашкадарьинской долине и в тех же самых местах Зеравшанской долины, где почти сто лет назад побывал Л. Н. Соболев, подтвердили, что кош следует рассматривать как меру именно поливной земли, равную 20—24, а не 40—60 танапам. По сообщениям крестьян, на поливных землях пара волов (кош) могла вспахать за сезон только 20, от силы 24 танапа земли. Желая убедить нас в правильности своего многовекового опыта, крестьяне объясняли, что можно было бы вспахать 50 и даже 100 танапов, но это не обеспечит урожая. «Ваш хирман¹⁵ будет пустым, урожай не получите».

Указанная величина коша определялась агротехническими требованиями для поливных земель. Чтобы взрыхлить и довести до требуемого состояния затвердевшую лесовую почву, ее необходимо было вспахать не менее 5—10 раз¹⁶; при этом пахали попеременно, сначала вдоль, потом поперек. Однако для получения хорошего урожая со всей обработанной площади необходима была не только взрыхленная почва. Большое значение имело также завершение пахоты и посева в определенный срок. При этих условиях один рабочий на паре волов успевал обработать и засеять не более 20—24 танапов.

При определении размера коша учитывался весенний сезон пахоты. Крестьяне считали, что он продолжался 30 дней, а в некоторые годы можно было сеять и все 40 дней. Чтобы успеть с севом, они часто придерживались строгих правил агротехники и ограничивались тремя-четырьмя вспашками вместо шести-семи или десяти; число вспашек по-

¹⁴ А. Д. Гребенкин, Сугуд. «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 1, СПб., 1873.

¹⁵ *Хирман* — ток для молотбы; в Бухарском ханстве на хирмане определялась налоговая часть смолотого зерна, которую и вывозили ханские сборщики.

¹⁶ М. И. Бродовский, Указ. раб.; «Современный кишлак Средней Азии», вып. VI, Ташкент, 1927, стр. 27.

рой ограничивалось и из-за недостатка рабочего скота. При этом подготовленную за день почву обязательно засеивали, а затем бороновали. Так крестьяне поступали в течение всех 30 дней весны.

Как показывают полевые материалы, сезон пахоты и посева, о котором так неопределенно говорится в литературе, определялся в основном яровыми культурами. В условиях Зеравшанской долины это были злаковые (пшеница и ячмень), джугара.

Привлеченные к расчетам таких косвенных данных, как время полива, количество высеваемых семян, доля исчислявшегося налога, число рабочих, производивших очистку ирригационных каналов, подтверждает, что один кош приравнивался в этом районе 20—24 танапам.

Так, например, установлено, что в конце XIX — начале XX века кош посевов поливался в течение одних суток, а танап в течение одного часа.

Таким образом, можно констатировать, что в орошаемых районах Зеравшанской и Кашкадарьинской долин кошем как мерой земли следует считать участок, который обрабатывала пара волов за весенний (30-дневный) сезон пахоты. Равнялся он 20—24 танапам (при условии, что один танап достигал 625 кв. саженей, т. е. 5—6 га). По определению крестьян, такой кош назывался малым — *кичик кош*.

Основываясь на сообщениях местного населения, можно отметить, что кошем кроме меры земли в XIX — начале XX в. обозначало и определенное производственное объединение крестьян. По-видимому, это значение у термина кош появилось не сразу, а постепенно, по мере оседания кочевого населения и освоения им земель. Во всяком случае известно, что этот термин первоначально применялся в значении: «военное общество», «военный лагерь», «воинский отряд», а затем стал означать и небольшое объединение скотоводов, выпасавших совместно свой скот. Наконец, кошем стали называть юрты, расположенные вдали от селения, около пашен, где жили слуги во главе со старшим слугой (кош агасы)¹⁷, а в XIX — начале XX в. кошем стали обозначать земельную меру и объединение крестьян земледельцев (большой кош).

Необходимость того или иного хозяйственного объединения постоянно возникала у крестьян Ферганской и Зеравшанской долин, а также Шахрисябзского оазиса в верховьях Кашкадарьи. Они выступают под разными названиями, и мы не будем здесь касаться их всех. Вопрос этот в литературе освещается весьма односторонне. Так, сообщая о крестьянских объединениях в районах искусственного орошения, исследователи связывали его с водными проблемами или ирригационными работами, касаясь областей, где ощущался недостаток рабочей силы или скота, его рассматривали в связи с организацией совместного труда крестьян или использованием скота. О размерах земельных наделов этих групп сведения приводятся крайне редко. Их приходится выводить на основании косвенных материалов и аналогий. Однако вследствие постоянной изменчивости терминов не всегда удается получить достоверные данные.

Наиболее ранние документальные сведения (начала XVIII в.) о существовании производственных объединений крестьян относятся к Шавдорскому туману¹⁸, расположенному к югу от Самарканда. Из документов, опубликованных О. Д. Чехович, видно, что такие объединения состояли из родственников. Судя по тем группам крестьян, на которые начислялся налог с земли, в такие коллективы входило от 3 до 25 человек¹⁹. Площадь земель, принадлежавших этим группам, нигде не ука-

¹⁷ В. Радлов, Указ. раб., стр. 635—636.

¹⁸ В XIX — начале XX в. на территории бывшего Шавдорского тумана располагались волости Самаркандского уезда: Ходжа-Ахрарская, Ургутская, Янги-казанарькская, Джумабазарская и др.

¹⁹ О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XVIII вв., Ташкент, 1954, стр. 106, 143, 155, 163.

зывается. Определить ее хотя бы для одного объединения не представляется возможным. Имеющиеся материалы по другим районам долины характеризуют крестьянские объединения более позднего времени — конца XIX — начала XX в. Из них видно, что объединения крестьян для совместной обработки земель были широко распространены в Самаркандской области как в центре, так и на периферии.

По сообщению ирригатора Н. Дингельштедта, пахотные земли вокруг большого селения Нураты были разделены на отдельные участки. Они орошались водой одной кяризной системы. Такую систему создавала, а затем очищала (постоянно) группа из 30 домохозяйств. Большие участки поливали частями, причем интервалы между поливами длились от 6 до 10 дней²⁰. Используя эти данные, можно сделать следующие выводы: во-первых, земля, поливавшаяся из одной кяризной системы, была разбита на несколько мелких участков; во-вторых, соответственно этому и объединение крестьян из 30 человек также делилось на более мелкие группы; в-третьих, сопоставив число людей в большой группе и интервалы между поливами отдельных участков, удастся рассчитать состав маленьких групп. В них входило четыре-пять человек, следовательно, самих групп было шесть или семь. Таким образом, участком земли, орошавшимся одной кяризной системой, в Нурате постоянно владел коллектив крестьян, который для возделывания и поливов разделялся на шесть-семь небольших групп из четырех-пяти человек.

Сделанные нами выводы совпадают с утверждением Н. Дингельштедта о том, что земля одной кяризной системы перераспределялась между 30 хозяевами. Однако автор не сообщает, имел ли каждый крестьянин свой определенный надел или нет; возможно, что члены мелких групп могли трудиться лишь на том участке, который в текущем году получала по жребию его группа.

В Форише, соседнем с Нуратой селении, для обработки земель крестьяне также объединялись в группы. Известно, что в одну группу входило здесь шесть человек и участок поливался около шести часов²¹. Последнее обстоятельство говорит о незначительности земельного участка одного объединения.

В восточной части долины реки Исфани-саю крестьяне делились на 35 групп, в каждую из которых входило 10 человек²². Судя по равному числу людей в группах, последние, несомненно, пользовались участками одинакового размера. Величину их можно установить лишь приблизительно, исходя из данных о средних размерах наделов крестьян в Самаркандской области, или из того, сколько земли может обработать один крестьянин.

По расчетам одного из лучших знатоков края, много лет служившего начальником Ходжентского уезда, Н. С. Лыкошина²³, в Чапкулукской волости более 50% хозяйств для обработки своих полевых земель объединялись в группы. В каждой имелась лишь одна-две пары волов. Отсюда можно примерно установить общую площадь земли и число членов одной группы. Посевной участок одной группы имел, по-видимому, площадь от 24 до 48 танапов, а следовательно, при средней норме надела в хозяйстве шесть-восемь танапов в одну группу входило от четырех до восьми человек. Возможно, что в Чапкулукской волости крестьянские объединения были более многочисленны, ибо, как говорит тот же Н. С. Лыкошин, «для общей обработки земель объединялись здесь

²⁰ Н. Дингельштедт, Опыт изучения ирригации Туркестанского края, т. II, ч. III, СПб., 1895, стр. 281—282.

²¹ «Статистический ежегодник», т. 2, Ташкент, 1924, стр. 15.

²² Б. А. Лыко, Итоги сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов в Самаркандской области, «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.», вып. 1, Ташкент, 1924, стр. 21—24.

²³ Н. С. Лыкошин, Чапкулукская волость Ходжентского уезда, СКСО, вып. VIII, 1906, стр. 27.

в основном бедняки, т. е. малоземельные»²⁴. Аналогичное положение отмечается и в Янгикурганской волости Джизакского уезда. Судя по числу рабочего скота, крестьянские объединения в этом районе были весьма значительными. Точно известно, что каждое из них имело 10 кошей, т. е. 10 пар волов²⁵. Следовательно можно предположить, что самая маленькая группа включала 10 человек. Если же учесть, что подобные объединения практиковались здесь обычно в бедняцкой среде, где скота было мало, то число их членов могло и превышать эту цифру. Исходя из количества воловьих упряжек в группе, можно сделать вывод, что общая посевная площадь объединений достигала 240 танапов, или 60 га. Поэтому здесь, как и в районе Нураты, большие группы, видимо, распались на более мелкие, куда входило несколько соседей.

Как отмечают исследователи-экономисты, в конце XIX в. в Мианкале (Зеравшанское междуречье) трудовые объединения крестьян бытовали постоянно. Количество хозяйств, вступавших в эти объединения, например в Дюрткульской волости Самаркандского уезда, колебалось от двух-трех до восьми. Большей частью в них насчитывалось от четырех до шести хозяйств²⁶. О постоянных хозяйственных связях крестьян Дагбитской волости (восточная часть Мианкаля) сообщает В. И. Чертов. Здесь в крестьянские объединения входило также от четырех до шести человек. Причем, как нами выяснено, каждый крестьянин состоял одновременно членом двух групп. Эта особенность объясняется тем, что они имели наделы в двух местах, соответствовавших двум видам угодий, так называемом «мокрым» и «сухим». На «мокрым» участке, где выращивали исключительно рис, крестьянин являлся членом одной группы, на землях же с «сухими» посевами (хлеб, хлопчатник) он работал с другими людьми (земли под паром находились в общем пользовании всего населения).

Наши полевые материалы показывают, что число членов в группах было различно, доходя до 10 человек. Крестьяне отмечали, что наиболее многочисленные группы создавались там, где было много воды, т. е. там, где формировались оросительные системы. По-видимому, это объясняется тем, что здесь складывалось более интенсивное земледелие, а это приводило к большей социальной дифференциации. Размер земли, обрабатывавшейся одной группой, в верховьях каналов колебался, в низовьях же, где крестьянские группы были малочисленны, общая площадь земли везде составляла 10—12 десятин.

В Янгикурганской волости (Самаркандский уезд), где риса из-за недостатка воды засеивали мало, крестьянам не было необходимости состоять членами сразу двух групп. Но здесь, как и в Дагбитской волости, численный состав групп колебался; общая же площадь их земель не превышала 40 танапов, или 10—12 десятин. Особенно стабильным это положение было на западной оконечности Мианкальского междуречья, на правом побережье Акдарьи (Хатырчинское бекство) и далее, в Вабкентском бекстве²⁷.

На левом берегу Зеравшана (Карадарьи), в нижнем бассейне канала Даргома многие виды полевых работ крестьяне выполняли совместно. Для этого составлялись небольшие группы. Здесь, как и в указанных ранее районах, состав группы зависел от земельных наделов ее членов. Но общая площадь их земель была постоянной и равнялась примерно 12 десятинам. Эта величина настолько устоялась (по-видимому, издавна), что служила основанием для определения доли воды, отпу-

²⁴ Н. С. Лыкошин, Указ. раб.

²⁵ Н. М. Вирский, Очерки Янги-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области, СКСО, вып. X, Самарканд, 1912.

²⁶ Н. М. Вирский, Дюрткульская волость..., вып. III, 1895, стр. 107, 150—188.

²⁷ В. И. Неровецкий, Обзор Янгикурганской волости Самаркандского уезда в экономическом отношении, СКСО, вып. V, 1897, стр. 6.

каемой кишлакам. Такое же положение сложилось и в районе Хатырчи и в бассейне Нарпая.

В Шахрисябзском оазисе, расположенном к югу от Зеравшанской долины, так же как и в упомянутой Дагбитской волости, крестьяне объединялись в производственные группы, причем и здесь они являлись членами одновременно двух групп, образовавшихся отдельно для выращивания риса, и отдельно — для сухих культур. Как отмечает А. Ф. Миддендорф, в конце XIX в. такие производственные объединения были распространены по всей Фергане. Они не исчезли еще и в начале XX в. По сведениям А. И. Шахназарова, в Уч-курганской волости (восточная Фергана) все поливные земли разделялись на столько частей, сколько арыками орошались. По-видимому, все участки были одинакового размера. Это видно из того, что каждый из них обрабатывался одной группой из четырех рабочих²⁸. В Араванской волости (юго-восток Ферганы) крестьяне организовывались в небольшие группы для совместного выполнения ирригационных повинностей. Эти группы в некоторых местах назывались *туп*. Каждый такой *туп* имел право получать всю воду в течение суток; внутри самой группы вода распределялась по взаимному соглашению²⁹. Время полива показывает, что посеы одного *тупа* не могли превышать 24 танапов, а общая пашня была еще больше.

Как видно из приведенных материалов, хотя все крестьянские объединения и отличались друг от друга своей численностью, общая площадь их земель почти всюду была одинакова.

Как правило, входившие в объединение крестьяне были, в основном из бедняцких и середняцких слоев. Группы создавались по различным причинам хозяйственного характера. Это — и необходимость коллективных работ на оросительных каналах, и общее распределение воды для орошения посевов, и сложившаяся система полеводства, и недостаток рабочей силы. Не каждый крестьянин был также в состоянии содержать рабочий скот. В первую очередь крестьяне объединялись для совместных ирригационных работ, а также для правильного использования воды. Дело в том, что, владея маленьким участком земли, крестьянин получал на него небольшое количество воды, причем на короткое время. Для нормального использования земли воды могло хватить лишь при условии объединения крестьян в коллективы. Тогда воду, предназначенную отдельным хозяйствам, объединяли и использовали поочередно для полива каждого участка. В дальнейшем эти же обстоятельства заставляли крестьян располагать посеы на своих участках в определенном согласованном с соседями порядке (или совершенно отделять мокрые посеы от сухих), а также соблюдать строгий севооборот и сеять только те культуры, которым хватало приходившейся на их долю воды.

В каждой группе составлялась упряжка из рабочего скота. Крестьяне, не имевшие скота, могли поочередно пользоваться ею и вспахивать свои участки. Пользование «кошем» они компенсировали своим трудом в зависимости от размера наделов. Они помогали друг другу в полевых работах (прореживание, окучивание растений, уборка урожая, обмолот и т. д.). Нередко каждая группа имела один общий ток, иногда две группы объединялись для устройства одного тока.

В Зеравшанской и Кашкадарьинской долинах каждая группа крестьян выбирала из своей среды одного человека — руководителя. Обычно он был более зажиточным по сравнению с остальными крестьянами. Нередко встречались и такие, хозяйство которых было невелико. Их выбирали за хорошие организаторские способности, знание земледелия и т. д. Руководители групп организовывали общие работы, были

²⁸ А. И. Шахназаров, Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908. стр. 69—70.

²⁹ «Современный кишлак Средней Азии. Араванская волость (Ошский кантон Киргизской АССР)», Ташкент, 1927, стр. 25.

первыми советниками в хозяйственных, а затем и в общественных делах, помогали мирабам (если такие имелись) в распределении воды между крестьянскими наделами, присутствовали на току во время молотбы и при уплате налогов.

Во всей Зеравшанской долине и Шахрисябзском оазисе эти крестьянские коллективы, постоянно возникавшие для взаимной помощи на поливных землях, также носили название кош. Однако, в отличие от малого коша, как меры земли, которую засеивали весной с помощью пары волов, а также воды, необходимой для орошения этой земли, объединение крестьян для совместных работ на полях называли большой кош — *катта кош*, а его выбранного руководителя — *кош баши*.

Итак, общий размер земель всех крестьян одной группы доходил здесь до 12 га (а в некоторых местах даже превышал эту обычную цифру), т. е. до 48—50 танапов. Однако по условиям местной агротехники и по ряду экономических причин крестьяне не распахивали и не засеивали всю пашню. Как правило, треть часть, а нередко и половину они оставляли под паром, всюду переходившим наряду со жнивьем в общее пользование общины. Налогов с земель под паром не брали; их высчитывали с урожая. Площадь же засеянной части земель крестьянских групп, а следовательно, и всей общины достигала двух третей и даже половины пашен, т. е. 5—6 десятин, или 20—24 танапов. Иными словами, следует различать малый кош как меру площади посевов и большой кош как объединение крестьян, общий размер пашен которых составляет два малых коша.

Термин *кош* как мера земли, равная 4—5 га, и как объединение определенной группы крестьян, которой принадлежала земля общей площадью в 10 га, был принят среди населения, проживающего в долинах рек Зеравшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи и касался только поливных земель. На остальной территории Средней Азии, в частности в Ферганской и Сырдарьинской областях, термин *кош* также был известен, однако здесь он имел другое значение. В этих двух областях кошем называли дневную норму пахоты волов, не превышавшую 2 танапов или $\frac{1}{3}$ га³⁰.

³⁰ В литературе имеется еще одно определение ферганского коша как древней нормы пахоты рабочих волов; она равнялась якобы 12 га (Р. Н. Набиев, Новые документальные материалы к изучению феодального института «суюргал» в Фергане XVI—XVII вв., «Известия АН УзССР», Серия общественных наук, 3, 1959, прим. 27, стр. 48). Подобное утверждение мы считаем недоразумением и поэтому не останавливаемся на нем.